Дэвид Митчелл
ГОЛОДНЫЙ ДОМ
18+

Большой роман

Дэвид Митчелл

# Голодный дом

«Азбука-Аттикус»
2015

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

**Митчелл Д.**

Голодный дом / Д. Митчелл — «Азбука-Аттикус», 2015 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-12652-7

Впервые на русском – новейший роман прославленного Дэвида Митчелла, дважды финалиста Букеровской премии, автора таких интеллектуальных бестселлеров, как «Сон № 9», «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тыквером и братьями Вачовски) и многих других. Стивен Кинг назвал «Голодный дом» «редкостной, великолепной вещью», а Энтони Дорр – «„Дракулой“ нового тысячелетия». Начало «Голодному дому» положила история, которую Митчелл начал публиковать в своем «Твиттере» в канун Хеллоуина; история, примыкающая к его прошлому роману «Костяные часы» («Простые смертные»). Итак, добро пожаловать в проулок Слейд. Его не так-то легко отыскать в лабиринте улочек лондонской окраины. Найдите в стене маленькую черную железную дверь. Ни ручки, ни замочной скважины; но дотроньтесь до двери – и она откроется. Вас встретит залитый солнцем старый сад и внушительный особняк – слишком роскошный для этого района, слишком большой для этого квартала. Вас пригласят зайти, и вы не сможете отказаться…

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12652-7

© Митчелл Д., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

# Содержание

Приличные люди 10
Без страха и упрека 26
Конец ознакомительного фрагмента. 37
Комментарии

# Дэвид Митчелл
# Голодный дом

David Mitchell
SLADE HOUSE
Copyright © 2015 by David Mitchell
All rights reserved
Th is edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and Th e Van Lear Agency

© А. Питчер, перевод, примечания, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство Иностранка®

* * *

Трудно вообразить более жуткую историю о сверхъестественном и более изощренного рассказчика. Редкостная, великолепная вещь.
*Стивен Кинг*

Цветы в горшках засохли, молоко скисло, дети одичали, но я ничего не замечала, погрузившись в изощренную магию повествования. Весьма изобретательный, жуткий и, несмотря на сверхъестественность, очень человечный рассказ о доме с привидениями. Я буду его часто перечитывать.
*Гиллиан Флинн*

Книгу я проглотил за вечер. Она тесно связана с предыдущими романами Дэвида Митчелла и, несмотря на скромный размер, написана со свойственным автору размахом и энергией. Тщательно продуманный мир сверкает и искрится необузданной фантазией. Это «Дракула» нового тысячелетия, сказка о Гензеле и Гретель для взрослых, напоминание о том, что литература – вещь увлекательная.
*Энтони Дорр*

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума. «Голодный дом» – часть фрактального узора, начатого в предыдущем романе «Простые смертные», ужасающий рассказ о доме с привидениями, основанный и на традиционном фольклоре, и на квантовой механике, завораживающая история о неуемной жажде жизни и о самонадеянности бесконтрольной власти.
*Дин Кунц*

Дэвиду Митчеллу подвластно все. Назвать его увлекательнейший, завораживающий, временами ужасающий роман книгой о доме с привидениями – все равно что назвать повесть Генри Джеймса «Поворот винта» книгой о призраках. Незабываемый, замысловатый и яркий стиль Митчелла очаровывает и пугает до дрожи. Книга захватывает так же, как

хозяева Слейд-хауса не выпускают из дома ничего не подозревающих гостей. Добро пожаловать в Слейд-хаус: входите, бояться вам нечего.
*Адам Джонсон*
*(лауреат Пулицеровской премии)*

«Голодный дом» – обезумевший сад, замысловатый лабиринт запутанных тропок, где все цветы ядовиты, а путь к спасению преграждают шипы и колючки. Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших – если не самым лучшим современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом, что и подтверждается его новой, головокружительной книгой. Местами она читается, как если бы Уэс Крэйвен попросил Умберто Эко написать новый сценарий по мотивам «Кошмара на улице Вязов», но даже это сравнение не отражает внутренней напряженности повествования. Фредди Крюгер не выдержал бы в Слейд-хаусе и пяти минут и с криком бросился бы наутек. Я читал книгу с ужасом и восторгом, лихорадочно листая страницы и с трудом сдерживая невольную дрожь.
*Джо Хилл*

Живое, красочное и до жути пугающее повествование завораживает настолько, что рискуешь пропустить свою остановку в метро. Я вот пропустил.
*Дэниел Хэндлер*
*(он же Лемони Сникет)*

Как перевозбужденный Стивен Кинг… маниакально изобретательный… Новый роман, созданный неуемным воображением Митчелла, одновременно скрывает в себе отголоски его предыдущих произведений и намеки на будущие шедевры.
*Guardian*

Околдовывает и пугает… истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.
*Scotland on Sunday*

Полный глубоких мыслей, искрящийся мрачной энергией роман… невообразимо изобретательный и захватывающий…
*Financial Times*

Утонченный, элегантно рассказанный ужастик… Митчелл мастерски и с тонким юмором объединяет традиционные компоненты страшных историй – старый особняк, темные аллеи, пропавшие люди – с глубоко реалистичными описаниями жизни героев. Смешно, страшно и правдиво.
*The Times*

Увлекательная жуткая история, которую интересно читать и ради сюжета, и просто для удовольствия, с замирающим сердцем. Хочется побыстрее добраться до следующей главы, чтобы узнать, что происходит.
*Sunday Times*

Написано по-настоящему здорово и по-настоящему страшно.
*Daily Mail*

Митчелл умело сплавляет элементы несопоставимых параллельных реальностей в головокружительную историю, подчиняющуюся своим непостижимым законам.
*Metro*

Самая увлекательная книга Митчелла, написанная неподражаемым стилем.
*Literary Review*

На этот раз Дэвид Митчелл обратил свой незаурядный талант рассказчика к описанию соблазнов бессмертия – и его рискованных последствий. Источником его воображения служат знакомые сцены повседневной жизни, воссозданные с необычайной точностью и мастерством. Бессмертие – не привилегия, а проклятие, утверждает он, призывая любить время, обрекающее нас на смерть. Жуткое, головокружительное и безмерно увлекательное повествование – еще одна жемчужина в творчестве великолепного писателя.
*Independent*

Захватывающая, невероятная книга. Дэвид Митчелл – настоящий волшебник.
*The Washington Post*

Увлекательно и пугающе… Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.
*Chicago Tribune*

Захватывающая история… Как дом на холме в книге Ширли Джексон или отель «Оверлук» в «Сиянии» Стивена Кинга, Слейд-хаус – уголок ада, созданный для того, чтобы заманивать неосторожных путников… Вселенная Митчелла растет и ширится, и этот небольшой, но впечатляющий роман содержит загадочные намеки на будущее.
*San Francisco Chronicle*

Новое изощренное творение Дэвида Митчелла – рассказ о доме с привидениями, напоминающий романы Диккенса, Стивена Кинга, Дж. К. Роулинг и Лавкрафта, но обладающий куда большим психовольтажом.
*Pittsburgh Post-Gazette*

Увлекательная, тщательно выписанная история, полная теплоты и человечности… великолепная сказка для взрослых.
*The Huffington Post*

Прелесть «Голодного дома» заключается в нескончаемых открытиях на каждой странице. Раз за разом гости совершают одни и те же ошибки, – разумеется, читатель их не допустит, читатель умнее и проницательнее, его не обманешь дешевыми трюками ужастиков – всеми этими ожившими портретами, унылыми призраками и лестницами, ведущими в никуда.

Читатель найдет потайную дверцу, ускользнет… и попадет в очередную ловушку.
*NPR*

Чертовски увлекательно… страшно, жутко и весело… Для того чтобы оценить этот роман, необязательно читать предыдущие. Читателя ожидает восхитительная, захватывающая история, полная интеллектуальной игры, внезапных поворотов сюжета и даже комических эпизодов.
*The Daily Beast*

Умная, увлекательная и жуткая история. Тем, кто еще не знаком с творчеством Митчелла, возможно, следует начать именно с этой книги.
*Milwaukee Journal Sentinel*

Митчелл – один из лучших писателей современности. «Голодный дом» станет неотвязно преследовать вас днями – и ночами.
*San Antonio Express-News*

Великолепная история о доме с привидениями… неожиданно, свежо и жутко… Книга читается залпом – только не забудьте включить свет поярче.
*BookPage*

Еще один триумф неподражаемого воображения Дэвида Митчелла.
*The Daily Telegraph*

Захватывающая история в стиле викторианского романа ужасов, ей по праву гордился бы Эдгар Аллан По… Паранормально-мистическое фэнтези с элементами хоррора – и очень увлекательное.
*Esquire*

Вызывает невероятное восхищение.
*Tatler*

Сложный, замысловатый роман, которым наверняка насладятся многочисленные поклонники Митчелла. «Голодный дом» неопровержимо доказывает, что Дэвид Митчелл – единственный в своем роде.
*Shelf Awareness*

Превосходно… Пожалуй, самая доступная книга Митчелла – история о доме с привидениями, подобная классическим романам «Поворот винта» и «Призрак дома на холме», – наверняка придется по душе поклонникам Одри Ниффенеггер, Карен Расселл и Стивена Миллхаузера. Великолепная книга для чтения в Хеллоуин.
*Booklist*

# Приличные люди
# 1979

Мамины слова тонут в копотном рыке отъезжающего автобуса. За автобусом оказывается паб «Лиса и гончие». На вывеске паба три бигля окружили лису, вот-вот набросятся и разорвут в клочья. Под вывеской табличка: ВЕСТВУД-РОУД. Лорды и леди живут в роскоши, поэтому я ожидал увидеть особняки с бассейнами и «ламборгини» у обочины, но Вествуд-роуд выглядит вполне обычной улицей. Обычные кирпичные дома, сдвоенные или отдельно стоящие, с обычными палисадниками и обычными машинами. Волглое небо цвета застиранных носовых платков. Мимо пролетают семь сорóк. Семь – хорошее число. Мамино лицо совсем рядом, только непонятно, сердитое оно или взволнованное.

– Нэйтан! Слышишь?

Мама сегодня губы накрасила. Помада цвета «утренняя сирень» пахнет клеем «Притт».

Мамино лицо не отодвигается, поэтому я спрашиваю:

– Что?

– Простите или извините, а не что.

– Ладно, – говорю я, что обычно срабатывает.

Но не сегодня.

– Ты слышал, что я сказала?

– «Простите или извините, а не что».

– Что я сказала перед этим? Если у леди Грэйер тебя спросят, как мы приехали, отвечай, что на такси.

– Лгать нехорошо.

– Лгать нехорошо, – говорит мама, вытаскивая из сумки конверт, на котором записан адрес. – А производить приличное впечатление необходимо. Если бы твой отец платил как положено, то мы действительно приехали бы на такси. Так… – Мама прищуривается, разбирая собственный почерк. – Проулок Слейд примерно в середине Вествуд-роуд… – Она глядит на часы. – Без десяти три, а нас ждут к трем. Давай-ка быстрее, не копайся и не ротозейничай.

Мама шагает вперед.

Иду за ней, не наступая на трещины в асфальте[1]. Иногда приходится угадывать, где они, потому что тротуар покрыт кашицей палой листвы. Уступаю дорогу бегуну с огромными кулаками, одетому в черно-оранжевый тренировочный костюм. У футбольной команды «Вулверхэмптон уондererс» форма черно-оранжевая. С веток рябины свисают кисти блестящих ягод. Хочется их пересчитать, но стук маминых каблуков – цок-цок, цок-цок! – зовет за собой. Туфли она купила на распродаже в универмаге «Джон Льюис», на последние деньги, оставшиеся от гонорара Королевского музыкального колледжа, хотя «Бритиш телеком» прислал последнее уведомление о неоплаченном телефонном счете. Мама надела темно-синий концертный костюм и заколола волосы серебряной шпилькой с наконечником в форме лисьей головы. Шпильку привез из Гонконга мамин отец после Второй мировой войны. Когда к маме приходит ученик, я, чтобы им не мешать, сажусь к маминому туалетному столику и вытаскиваю ли́са из шкатулки. У него нефритовые глаза. Иногда он улыбается, а иногда нет. Я сегодня не в лучшей форме, но скоро валиум подействует. Валиум – отличная вещь. Я две таблетки принял. На следующей неделе обойдусь меньшим числом, а то мама заметит, что они слишком быстро кончаются. Твидовый пиджак колется. Мама купила его в «Оксфаме»[2], специально для сегодняшнего визита. Галстук-бабочка тоже из «Оксфама». По понедельникам мама туда ходит помогать, отбирает лучшее из того, что в субботу приносят. Если Гэс Ингрем или кто-то из его приятелей увидит меня в этом наряде, то мне в школьный шкафчик обязательно какашек

подкинут. Мама говорит, что я должен научиться Вписываться В Коллектив, но уроков вписывания никто не дает, даже в муниципальной библиотеке таких объявлений нет. Зато есть клуб любителей «Подземелий и драконов». Я хочу записаться, но мама не позволяет, говорит, что «Подземелья и драконы» заигрывают с темными силами. В одном окне по телевизору показывают скачки – по первому каналу Би-би-си идет «Грандстэнд». Следующие три окна закрыты тюлевыми занавесками, сквозь них виден телевизор – рестлинг на канале Ай-ти-ви. Гигант Хэйстекс[3], волосатый плохиш, против лысого добряка Биг-Дэдди. Еще через восемь домов на втором канале Би-би-си показывают «Годзиллу». Годзилла натыкается на опору линии электропередачи и валит ее на землю. Японский пожарный с мокрым от пота лицом что-то кричит в рацию. Годзилла хватает поезд, хотя так не бывает, потому что у земноводных нет больших пальцев. Наверное, большой палец Годзиллы – будто так называемый большой палец у панды, то есть не палец, а видоизмененный коготь. Может быть…

– Нэйтан! – Мама хватает меня за руку. – Что я говорила про ротозейство?

Я задумываюсь, вспоминаю:

– «Живее. Не копайся и не ротозейничай».

– А ты чем занимаешься?

– Размышляю о больших пальцах Годзиллы.

Мама закрывает глаза.

– Леди Грэйер пригласила меня – нас – на музыкальную вечеринку. На суаре для ценителей музыки. Там будут важные особы из Совета по искусствам, те, кто распределяет гранты и организует концерты…

Мамины веки покрыты сеткой крошечных красных прожилок, похожих на фотографии рек, сделанные с большой высоты.

– Я бы с удовольствием оставила тебя дома, играл бы в свою бурскую битву, но леди Грэйер очень настаивала, так что… Веди себя нормально. Сможешь? Я тебя очень прошу. Представь самого нормального одноклассника и изобрази нормальное поведение.

Нормальное Поведение похоже на Вписывание В Коллектив.

– Я постараюсь. Только не бурская битва, а Бурская война. Твое кольцо мне в руку впивается.

Мама разжимает пальцы. Так гораздо лучше.

Я не понимаю, что именно выражает ее лицо.

Проулок Слейд очень узкий. Это проход между двумя домами, который шагов через тридцать оканчивается поворотом влево. В таком месте впору бродягам в картонной коробке ночевать, а не лордам жить.

– Наверное, парадный вход с противоположной стороны, – говорит мама. – Слейд-хаус – городской особняк Грэйеров, а их поместье находится в Кембриджшире.

Если бы каждый раз, когда мама произносит эти слова, мне давали пятьдесят пенсов, то у меня уже набралось бы три с половиной фунта. В проулке холодно и промозгло, как в пещере Белый Шрам в Йоркширских долинах. Мы с отцом туда ездили, когда мне было десять лет. На первом же углу в проулке лежит дохлая кошка. Серая, как пыль на Луне. Я точно знаю, что кошка дохлая, потому что она валяется, как оброненный мешок, а глаза облепили здоровенные мухи. Отчего она сдохла? Ни пулевых отверстий, ни ран от клыков или когтей, только голова неловко свешивается набок. Наверное, какой-то котоманьяк ей шею свернул. Для меня она сразу превращается в одно из пяти прекраснейших зрелищ на свете. Может быть, в Папуа – Новой Гвинее есть племя, которое считает музыкой жужжание мух. Я бы туда вписался.

– Нэйтан, не отставай! – Мама дергает меня за рукав.

– А ее похоронят? Как бабушку?

– Нет. Кошки – не люди. Пойдем.

– Так ведь хозяина надо предупредить, что кошка домой не вернется.

– Каким образом? Подобрать дохлую кошку и носить по Вествуд-роуд? Спрашивать в каждом доме, кто хозяин?

Иногда маме приходят в голову дельные мысли.

– Ну, придется время потратить, но…

– Нэйтан, прекрати! Нас ждут у леди Грэйер.

– Но ведь вороны ей глаза выклюют. Надо похоронить.

– Здесь нет ни сада, ни лопаты.

– А у леди Грэйер найдется и сад, и лопата.

Мама снова закрывает глаза. Наверное, у нее голова разболелась.

– Все, этот разговор окончен.

Она тащит меня за собой, к середине проулка Слейд. В проулке всего пять домов, но кирпичные ограды с обеих сторон такие высокие, что за ними ничего не видно, только небо.

– Смотри не пропусти маленькую черную железную дверь с правой стороны, – говорит мама.

Мы доходим до следующего угла – ровно девяносто шесть шагов, трещины в асфальте заросли одуванчиками и чертополохом, но двери нет. Мы сворачиваем направо, проходим еще двадцать шагов и оказываемся на улице, параллельной Вествуд-роуд. На табличке надпись: КРЭНБЕРИ-АВЕНЮ. Напротив стоит машина Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна. На замызганной панели над задним колесом кто-то написал: ВЫМОЙ МЕНЯ. Водитель со сломанным носом разговаривает по рации. Мимо нас на скутере проезжает мод, как в «Квадрофении»[4], без шлема.

– Ездить без шлема запрещено, – говорю я.

– Странно все это, – говорит мама, глядя на конверт.

– А вот сикха в тюрбане полицейские…

– «Маленькая черная железная дверь»… Как мы ее пропустили?

Я знаю. На меня валиум действует, как волшебное зелье на Астерикса[5], а вот мама от него соловеет. Вчера она меня Фрэнком назвала, как папу, и не заметила. Рецепты на валиум выписывают два доктора, потому что таблеток по одному рецепту не хватает, но…

…рядом лает собака. Я вскрикиваю, в страхе отшатываюсь и писаю в штаны – совсем чуть-чуть. Нет, все в порядке, там забор, а собака – крошечная тявка, а не бульмастиф, и уж точно не тот самый бульмастиф, а описался я всего капельку. Сердце стучит как сумасшедшее, меня мутит. Мама вышла на Крэнбери-авеню, ищет ворота и особняк за воротами, тявканья даже не услышала. Мимо проходит лысый тип в комбинезоне – в руках ведро, на плече стремянка, – насвистывает «Я научу всех в мире петь»[6].

– Простите, вы не знаете, где здесь Слейд-хаус? – спрашивает его мама.

Свист прекращается. Лысый тип останавливается:

– Где здесь что?

– Слейд-хаус. Резиденция леди Норы Грэйер.

– Понятия не имею. Но коли вы ее найдете, передайте этой самой леди, что если ей угодно кого попроще, то я мастер дам ублажать. Классный у тебя галстучек, сынок, – говорит он мне, сворачивает в проулок Слейд и продолжает насвистывать с того самого места, на котором прервался.

Мама глядит ему в спину, бормочет:

– Вот уж спасибо, помощничек хренов.

– «Хренов» – нехорошее слово.

– Нэйтан, не… Ох, не начинай.

По-моему, лицо у мамы сердитое.

– Хорошо.

Песик больше не тявкает, лижет пипиську.

– Вернемся, – решает мама. – Может быть, леди Грэйер имела в виду соседний переулок.

Она идет к проулку Слейд, я за ней. Мы подходим к середине проулка как раз тогда, когда тип со стремянкой на плече сворачивает за угол, там, где лежит дохлая лунно-серая кошка.

– Если здесь кого убьют, то никто и не увидит, – говорю я.

Мама не обращает на меня внимания. Может, мое замечание не совсем нормальное. На середине проулка мама останавливается:

– Ох, ну надо же!

В кирпичной стене виднеется черная железная дверь. И правда маленькая. Во мне четыре фута одиннадцать дюймов росту, а дверь вровень с моими глазами. Толстяку в нее не протиснуться. На двери нет ни ручки, ни замочной скважины, ни щелей в дверном косяке. Она черная-черная, как пустота, как провалы между звездами.

– И как мы ее пропустили? – говорит мама. – Тоже мне, бойскаут.

– Я больше не бойскаут, – напоминаю я.

Мистер Муди, глава скаутского отряда, велел мне валить куда подальше, я и свалил. А потом бригада спасателей Сноудонии[7] меня два дня искала. В новостях показывали, и все такое. Все почему-то очень рассердились, но я ведь просто делал что сказано.

Мама толкает дверь – не открывается.

– И как эту проклятую дверь открыть? Может, постучать?

Дверь притягивает мою ладонь. Поверхность теплая.

Дверь распахивается внутрь, петли визжат, как тормоза…

…и перед нами сад – жужжащий летний сад. Там растут розы, зубатые подсолнухи, россыпи маков, кустики наперстянки и еще какие-то цветы, названий которых я не знаю. Там есть каменная горка и пруд, повсюду снуют пчелы и порхают бабочки. Потрясающе.

– Великолепно! – говорит мама.

Слейд-хаус стоит на вершине холма – старый, приземистый, суровый, серый и наполовину облепленный огневым плющом, совершенно непохожий на дома вдоль Вествуд-роуд и Крэнбери-авеню. Если бы он принадлежал Национальному обществу охраны исторических памятников, то его посещение стоило бы два фунта, а детям до шестнадцати – семьдесят пять пенсов. Мы с мамой проходим в черную железную дверь, ее закрывает ветер, будто дворецкий-невидимка, порывы подталкивают нас в сад, вдоль стены.

– У Грэйеров наверняка садовник есть, – говорит мама. – И не один.

Валиум наконец-то подействовал. Красные тона становятся глубже, синие – яснее, зеленые – влажнее, а белые делаются прозрачными, как папиросная бумага. Я хочу спросить маму, как такой огромный дом и сад умещаются в пространство между проулком Слейд и Крэнбери-авеню, но вопрос проваливается в глубокий бездонный колодец, и я забываю, что забыл.

– Вы, должно быть, миссис Бишоп с сыном, – произносит невидимый мальчик.

Мама отшатывается, совсем как я от тявки, а мое изумление смягчает валиум.

– Я тут, наверху, – слышится голос.

Мы с мамой глядим вверх. На стене, футах в пятнадцати от нас, сидит мальчик, мой ровесник. У него волнистые темные волосы, пухлые губы, молочно-белая кожа, джинсы, кеды на босу ногу и белая футболка. Никакого твида и галстуков-бабочек. Мама не говорила, что на музыкальное суаре пригласили моих сверстников. Значит, сейчас начнутся выяснения, кто самый клевый, самый крутой, самый умный… Нормальным мальчишкам это всегда почему-то важно, а такие, как Гэс Ингрем, из-за этого даже дерутся.

– Здравствуй, – говорит мама. – Да, я – миссис Бишоп, а это Нэйтан. Послушай, может быть, ты спустишься? Стена уж очень высокая.

– Приятно познакомиться, Нэйтан, – говорит мальчик.

– Почему? – спрашиваю я подошвы кедов.

Мама шипит что-то про манеры, а мальчик отвечает:

– Потому что. Кстати, меня зовут Иона. Мне поручили вас встретить.

Я не знаю ни одного Ионы. Бордовое имя.

– Иона, ты сын леди Норы? – спрашивает мама.

Иона, поразмыслив, отвечает:

– В общем-то, да.

– То есть… – говорит мама. – Ах да, понятно. А…

– О, Рита, вы нас нашли!

Из решетчатой штуковины, похожей на туннель, увитый лозой с висячими гроздьями белых и лиловых цветов, выходит женщина. Она мамина ровесница, но стройная, не изможденная, одетая в наряд под стать ее саду.

– Мы вчера с вами поговорили, я трубку положила и только тогда сообразила, что со стороны проулка Слейд нас отыскать сложно будет… Надо было, конечно, к парадному подъезду вас отправить, но мне очень хотелось, чтобы вы Слейд-хаус из сада увидели, во всем его великолепии.

– Добрый день, леди Грэйер, – отвечает мама, подражая знатным дамам. – Что вы, мы…

– Прошу вас, Рита, зовите меня Норой – все эти титулы такую скуку навевают. Я вижу, вы уже познакомились с Ионой, нашим местным человеком-пауком.

У леди Грэйер черные, как у Ионы, волосы и рентгеновский взгляд. Я отвожу глаза.

– А этот юноша, должно быть, Нэйтан, – говорит она, пожимая мне руку (пальцы пухлые, но сильные). – Твоя мама мне о тебе рассказывала.

– Приятно познакомиться, Нора, – отвечаю я, как взрослый в фильме.

– Нэйтан! – чересчур громко восклицает мама. – Леди Грэйер тебе пока не предлагала называть ее по имени.

– Ничего страшного, – говорит Нора Грэйер. – Пусть называет.

Яркий день плывет перед глазами.

– Ваше платье очень подходит к саду, – говорю я.

– Какой тонкий комплимент, – говорит леди Грэйер. – Спасибо. Ты тоже прекрасно выглядишь. Галстук-бабочка – изящный аксессуар.

Я высвобождаю руку.

– Нора, а у вас была лунно-серая кошка?

– Была ли у меня кошка? Когда? Недавно или в детстве?

– Сегодня. Она там, в проулке, – показываю я. – У самого угла. Она сдохла.

– Нэйтану свойственна непосредственность, – говорит мама странным, напряженным голосом. – Нора, если это и вправду ваша кошка, позвольте…

– Не волнуйтесь, в Слейд-хаусе кошек уже много лет не держат. Я позвоню нашему дворнику, попрошу, чтобы бедное животное похоронили честь по чести. Очень любезно с твоей стороны, Нэйтан. Доброту ты наверняка от матери унаследовал. Надеюсь, и музыкальный талант тоже.

– Нэйтан недостаточно занимается, – говорит мама.

– По часу в день, – говорю я.

– Лучше бы по два, – резко отвечает мама.

– А еще домашнюю работу делать, – напоминаю я.

– Ну, как известно, одаренность – девять частей потения, – говорит Иона у меня за спиной.

Мама ахает от неожиданности, а я с должным уважением спрашиваю:

– Как тебе удалось так быстро спуститься?

Он постукивает себя по виску:

– Телепортационный контур имплантирован прямо в мозг.

Разумеется, я знаю, что он просто спрыгнул, но ответ мне нравится. Иона выше меня, и все мои ровесники меня выше. На прошлой неделе Гэс Ингрем заявил, что теперь будет звать меня Гадский Гном, а не Пиндюк Жирноморд.

– Неисправимый фантазер, – вздыхает Нора Грэйер. – Рита, надеюсь, вы не обидитесь. Я рассказала Иегуди Менухину о вашем исполнении Дебюсси, и теперь он жаждет с вами познакомиться.

Лицо у мамы принимает ошарашенное выражение, как у героя комикса «Мелочь пузатая».

– Иегуди Менухин у вас в гостях? Сейчас?!

Леди Грэйер равнодушно кивает:

– Да, он вчера концерт давал в Ройял-фестивал-холле, а потом попросил у меня приюта в Слейд-хаусе. Так вы на меня не обижаетесь?

– Я? Обижаюсь? Из-за того, что вы хотите представить меня сэру Иегуди? Просто… просто не верится, что я не сплю.

– Брависсимо! – Леди Грэйер берет маму под руку и ведет к особняку. – Не смущайтесь, Иегуди совсем не страшный, он мягкий и пушистый, как плюшевый медвежонок. А вы, мальчики, – оборачивается она к нам с Ионой, – поиграйте пока на солнышке, нагуляйте аппетит. Миссис Полански эклеров к чаю напекла.

– Нэйтан, съешь сливу. – Иона протягивает мне плод, садится на землю под деревом.

Я усаживаюсь к соседнему дереву.

– Спасибо. – У теплой мякоти чернослива вкус августовского утра. – А правда, что Иегуди Менухин у вас в гостях?

Иона окидывает меня странным взглядом:

– Думаешь, Нора врет?

Я и не подозревал, что маму можно называть по имени. Папа сказал бы, что это новомодное веяние.

– Я не говорил, что она врет. Просто Менухин – всемирно знаменитый скрипач.

Иона выплевывает сливовую косточку в заросли персидских ромашек.

– Даже у всемирно знаменитых скрипачей есть друзья. Тебе сколько лет, Нэйтан? Тринадцать?

– Точно. – Я выплевываю косточку дальше, чем Иона. – А тебе?

– Тоже тринадцать, – отвечает он. – Мой день рождения в октябре.

– А мой – в феврале. – Я старше, хоть и меньше ростом. – А ты в какой школе учишься?

– Я со школой не в ладах, – говорит Иона. – Если так можно выразиться.

Я ничего не понимаю.

– Но дети должны ходить в школу. Так по закону положено.

– С законом я тоже не в ладах. Хочешь еще сливу?

– Спасибо. А как же школьные инспекторы?

Выражение лица Ионы, наверное, называется озадаченным. Миссис Маркони недавно объясняла мне, что такое «озадаченный».

– Какие инспекторы?

Непонятно, почему он этого не знает.

– Ты меня надуваешь, да?

– Зачем мне тебя надувать, – говорит Иона. – Ты же не воздушный шарик.

По-моему, это остроумно, но если бы я такое Гэсу Ингрему заявил, он бы меня на регбийных воротах распял.

– Нет, правда, меня дома учат.

– Ух ты, здóрово! А кто тебя учит? Мама?

– Наш мэтр, – отвечает Иона и смотрит на меня.

У него болючий взгляд, и я отвожу глаза. Мэтр – в приличном обществе так называют учителя.

– А он хороший?

Иона без хвастовства отвечает:

– Чистый гений.

– Ого. Мне прямо завидно, – признаюсь я. – Я школу ненавижу. Ненавижу.

– Да, если не вписаться в систему, жизнь превращается в ад. А твой отец тоже пианист, как мама?

Я с одинаковой силой ненавижу школу и люблю говорить о папе.

– Нет, он в Солсбери живет. Только не в Уилтшире, а в Родезии. Он оттуда родом, из Родезии. Теперь в родезийской армии бойцов обучает. Мальчишки часто про своих родителей байки рассказывают, а я говорю чистую правду: мой папа – снайпер. За сто метров может человеку пулю между глаз всадить. Он мне однажды показывал.

– Он при тебе кому-то пулю между глаз всадил?

– Не кому-то, а манекену. На стрельбище в Олдершоте. У манекена был радужный парик и усики как у Адольфа Гитлера.

В сливовых деревьях воркуют дикие или домашние голуби, по звуку не определишь. И вообще не ясно, это один вид птиц или нет.

– Трудно, наверное, когда отца рядом нет, – говорит Иона.

Я пожимаю плечами. Мама велела про развод не говорить.

– А ты в Африке был? – спрашивает Иона.

– Нет. Папа обещал, что на следующее Рождество я смогу к нему приехать. Я в прошлое Рождество собирался, но папе пришлось срочно обучать солдат. Когда у нас зима, там лето. – Я хочу рассказать Ионе, что мы с папой должны поехать на сафари, но вспоминаю объяснение миссис Маркони: беседа – как пинг-понг, говорить надо по очереди. – А твой отец где работает?

Вот сейчас Иона скажет, что отец у него адмирал, или судья, или еще кто-нибудь важный, но нет.

– Отец умер. Его застрелили. Несчастный случай на охоте. Это очень давно было.

«Вряд ли *очень* давно», – думаю я, а вслух говорю:

– Ага.

Высокие стебли наперстянки с пурпурными соцветиями колышутся, будто в них кто-то прячется…

…но там никого нет.

– Нэйтан, расскажи о своих кошмарах, – просит Иона.

Мы сидим у пруда на теплых плитах дорожки. Пруд – длинный прямоугольник, с кувшинками и бронзовой статуей Нептуна, сине-зеленой от времени. Пруд больше нашего сада – на самом деле у нас не сад, а вытоптанный двор с сушилкой для белья и мусорными баками. Папино поместье в Родезии спускается к реке, где живут бегемоты. Миссис Маркони всегда напоминает мне: «Сосредоточься на предмете разговора».

– Откуда ты знаешь про кошмары?

– У тебя вид такой… затравленный, – отвечает Иона.

Я швыряю камешек высоко над водой. Он летит по математической дуге.

– А кошмары у тебя из-за шрамов?

Рука машинально тянется к волосам, прикрывает бело-розовые полосы за правым ухом, там, где они больше всего заметны. Камешек с бульком уходит под воду, но брызг не видно.

Не буду думать о том, как на меня прыгнул мастиф, как клыки содрали кожу со щеки, будто с жареной курицы, как он таращил глаза и тряс меня, словно куклу, вцепившись зубами мне в челюсть; не буду думать о неделях в больнице, об уколах, о лекарствах, об операциях, о выражениях лиц окружающих; не буду думать, что мастиф поджидает меня всякий раз, когда я засыпаю.

На камышинку перед самым носом садится стрекоза. Крылышки у нее целлофановые.

– Крылышки у нее целлофановые, – говорит Иона.

– Я только что то же самое подумал, – говорю я.

– Что ты подумал? – спрашивает Иона.

Наверное, мне показалось, что он это сказал. От валиума речь стирается, пузыри мыслей лопаются. Я давно это заметил.

В особняке мама играет арпеджио, разминается.

Стрекоза улетела.

– А у тебя кошмары бывают? – спрашиваю я.

– Бывают, – говорит Иона. – Про то, что еда кончится.

– Ложись спать с пачкой печенья, – советую я.

У Ионы зубы прекрасные, ни одной пломбы, как у улыбчивого мальчишки в рекламе зубной пасты «Колгейт».

– Я о другой еде, Нэйтан.

– О какой другой еде? – спрашиваю я.

Морзянка жаворонка слетает с дальних-дальних-дальних звезд.

– О той, которую чем больше ешь, тем больше хочется, – отвечает Иона.

Кусты смазанно колышутся, будто их заштриховывают.

– Понятно, почему ты в нормальную школу не ходишь, – говорю я.

Иона накручивает травинку на большой палец…

…и резко обрывает ее. Пруд исчез, теперь мы сидим под деревом, так что это другая травинка, другой обрывок. Валиум бьется и подрагивает в кончиках пальцев, а солнечный свет – арфист. Листья на подстриженном газоне похожи на крошечные веера.

– Это дерево гинкго, – говорит Иона. – Его полвека назад тогдашние хозяева Слейд-хауса посадили.

Я выкладываю из листьев гинкго очертания африканского континента; от Каира до Йоханнесбурга – фут. Иона лежит на спине, то ли спит, то ли просто глаза закрыл. Он ни разу не спросил меня про футбол, не назвал меня геем, потому что мне нравится классическая музыка. Может быть, все друзья себя так ведут. Наверное, прошло какое-то время, потому что моя Африка закончена. Я не знаю, который час, потому что в прошлое воскресенье разобрал наручные часы, чтобы их улучшить, а когда стал собирать заново, то не смог – почти как Шалтая-Болтая, – какие-то части потерялись. Мама увидела разобранные часы, расплакалась и заперлась у себя в спальне, так что ужинать опять пришлось кукурузными хлопьями. Не знаю, почему она так расстроилась. Часы были старые-престарые, их сделали задолго до моего рождения. Я снимаю листья с того места, где находится озеро Виктория, выкладываю из них Мадагаскар.

– Ух ты! – говорит Иона, подперев голову рукой.

Я не знаю, надо ли благодарить того, кто говорит «ух ты!», и, чтобы не попасть впросак, спрашиваю:

– А тебе не кажется иногда, что ты – совсем другой вид людей, что тебя из особой ДНК в лаборатории слепили, как в «Острове доктора Моро», а потом выпустили, чтобы проверить, получится у тебя притвориться нормальным, как все остальные, или нет?

Из особняка доносятся негромкие аплодисменты.

– Мы с сестрой и так другой вид, – говорит Иона. – Но проверять это незачем. Нас всегда принимают за нормальных людей, мы притворяемся кем вздумается. Хочешь поиграть в «лису и гончих»?

– А мы прошли мимо паба под названием «Лиса и гончие».

– Он там с тридцатых годов существует. И пахнет соответственно. Мы с сестрой игру в его честь назвали. Давай поиграем? Это как догонялки.

– Я и не знал, что у тебя сестра есть.

– Не волнуйся, ты с ней еще встретишься. Так вот, «лиса и гончие» – догонялки. Начинаем с противоположных концов дома, выкрикиваем: «Лиса и гончие, раз-два-три!» – и на счет «три» бежим против часовой стрелки, пока один другого не поймает. Тот, кто поймает, – гончая, а тот, кого поймают, – лиса. Ничего сложного. Ну, побежали?

Если отказаться, Иона назовет меня слабаком или дебилом.

– Ладно. Только правильнее называть игру «лиса и гончая», ведь гончая будет только одна.

Лицо Ионы поочередно принимает два или три выражения, которые мне совершенно непонятны.

– Что ж, Нэйтан, назовем игру «лиса и гончая».

Слейд-хаус высится мрачной громадой. Багряный плющ багрянее обычного. Окна первого этажа высоко над землей, из сада в них не заглянешь. В них отражаются облака и небо.

– Ты оставайся здесь, – говорит Иона у переднего правого угла, – а я сзади дом обойду. А как начнем, беги против часовой стрелки, вон туда.

Иона трусцой пускается вдоль изгороди остролиста у боковой стены. Я жду, пока он доберется до угла, и замечаю, что в ближайшем окне кто-то движется. Я подхожу поближе, всматриваюсь. Какая-то женщина. Наверное, еще одна гостья суаре леди Норы Грэйер или служанка. У нее прическа высоким валиком, как у певиц на старых папиных пластинках; она морщит лоб, медленно открывает и закрывает рот, как аквариумная рыбка, – похоже, раз за разом повторяет какое-то слово. Я не слышу, что она говорит, потому что окно закрыто.

– Я вас не слышу, – говорю я и делаю шаг к окну.

Она исчезает. В стеклах отражается небо. Я снова отступаю, и она появляется – как картинка на коробке хлопьев для завтрака: наклонишь коробку, и кажется, что изображение движется. Женщина с валиком говорит то ли «са-а-ад», то ли «а-а-ад», то ли просто «а-а-а-а-а». Пока я пытаюсь сообразить, что именно, Иона кричит с дальнего конца остролистовой изгороди:

– Нэйтан, ты готов?

– Готов! – отвечаю я, снова оборачиваюсь к окну, но женщина уже исчезла: вернуть ее не получается, сколько ни верти головой.

Я занимаю место на углу.

– Лиса и гончая! – выкрикивает Иона, и я тоже. – Раз-два…

– …три! – кричу я и бегу вдоль остролистовой изгороди.

«Шлеп-шлеп-шлеп!» – шлепают подошвы моих ботинок, им вторит эхо «хлоп-хлоп-хлоп». Иона выше меня; наверное, он меня на сотню метров обогнал, но все равно я могу стать гончей, а не лисой, потому что на длинных дистанциях важна выносливость. Я выбегаю на боковую тропинку, но вместо Крэнбери-авеню вижу только длинную кирпичную стену, и высокие ели, и узкую полоску газона, которая смутно проносится мимо. Топочу по тропе, огибаю водосточную трубу, пробегаю еще по одной зябкой тропке, рассеченной лучами света, что проникают сквозь щели высокого забора, увитого колючими плетьми ежевики, снова оказываюсь перед парадным крыльцом, врезаюсь в куст с него срываются бабочки кружат оранжевым

и черным и красным и белым бураном одна попадает мне в рот и я ее выплевываю и перепрыгиваю через каменную горку спотыкаюсь но не падаю. Пробегаю мимо ступенек ведущих к парадному входу мимо окна с исчезнувшей женщиной сворачиваю за угол и снова топочу по гулкой тропке вдоль остролистовой изгороди в боку колет но я не обращаю внимания, а остролист царапает мне руку будто подталкивает, а мне интересно, кто кого догоняет – я Иону или Иона меня – но думать об этом некогда потому что я возвращаюсь на зады Слейд-хауса, где ели выше и гуще а стена расплывчатее а я все бегу и бегу и бегу за угол туда где ежевика совсем заплела ограду колючки царапают лодыжки и шею и я боюсь что я лиса а не гончая и выбегаю на лужайку перед домом где солнце зашло или село или пропало а цветы завяли и на кусте нет ни одной бабочки только растоптанные крылышки на дорожке пудреные следы а одна полумертвая чуть подергивается…

Я остановился, потому что дальний конец сада, стена с маленькой черной дверью – все блекнет и расплывается. Не потому, что смеркается. Еще четырех часов нет. И тумана тоже нет. Задираю голову – небо голубеет, как и прежде. Все дело в саде. Сад блекнет.

Оборачиваюсь, хочу сказать Ионе, что пора заканчивать игру, что-то случилось, надо позвать взрослых. Жду, что он вот-вот выбежит из-за дальнего угла. Плети ежевики колышутся, как щупальца под водой. Снова гляжу на сад. Там были солнечные часы, но они куда-то пропали, и сливовые деревья тоже. Может, я слепну? Папа бы меня успокоил, сказал бы, что со зрением у меня все в порядке, но папа в Родезии. Надо маму позвать. А где Иона? Может быть, он тоже пропал? Вот стирается решетчатая штуковина, похожая на туннель. Что делать, если пришел в гости, а хозяйский сад начинает исчезать? Пустота надвигается грозовой тучей. В конце тропинки, среди зарослей ежевики, появляется Иона, и я на миг успокаиваюсь, потому что он наверняка знает, что делать, но фигура бегущего мальчика становится расплывчатой, превращается в рычащий мрак с мглистыми глазами, устремленными на меня, и клыками, которые вот-вот довершат свое дело, и мрак топочет за мной медленно, но верно, огромный, как конь на полном скаку и я бы завопил но не могу в груди плещется удушливый тошнотворный ужас я задыхаюсь волки зима кости хрящи кожа печень легкие голод Голод ГОЛОД и – «беги!». Я бегу к ступеням Слейд-хауса ноги оскальзываются на гравии как во сне и если упаду то мрак меня поймает еще миг и я карабкаюсь на ступеньки и хватаю дверную ручку «лишь бы повернулась!» она не поддается ох не может быть царапины на ребристом золоте заело поворачивается нет не поворачивается тяну толкаю тяну толкаю поворачиваю выкручиваю падаю ничком на колючий коврик в прихожей на черную и белую плитку визжу как будто в картонную коробку глухо сдавленно…

– Нэйтан, что случилось?

Стою на ободранных коленях на ковре в прихожей, сердце трепыхается хлоп-хлоп-хлоп-хлоп-хлоп все медленнее и медленнее, опасность миновала, леди Грэйер стоит с подносом в руках, из носика железного чайничка змеится пар.

– Тебе плохо? Позвать маму?

Ошалело встаю:

– Нора, там, снаружи, что-то есть…

– Погоди, я не пойму. Что там, снаружи?

– Ну такое… похоже на… – («На что оно похоже?») – На собаку.

– А, это Иззи, соседская собачонка. Безмозглый клочок шерсти, вечно к нам в огород забирается. Прогонять жалко, она безобидная.

– Нет, это большая… и сад исчезает.

Леди Нора Грэйер улыбается, только я не понимаю почему.

– Ах, у детей такое богатое воображение! Двоюродные братья Ионы целыми днями сидят перед телевизором со своими видеоприставками «Атари», или как их там, космических захват-

чиков из лазерных пушек расстреливают. Я им говорю, что на улице погода замечательная, предлагаю погулять, а они только отмахиваются: «Да-да, тетя Нора, хорошо».

Пол в прихожей выложен черной и белой плиткой, как шахматная доска. Пахнет кофе, полиролем, сигарным дымом и лилиями. Сквозь ромбики дверного оконца виден сад – никуда он не исчез, в дальнем конце все так же чернеет маленькая железная дверца, выходящая в проулок Слейд. Наверное, у меня воображение разыгралось. Из гостиной на втором этаже слышны звуки «Песни жаворонка». Чайковский. Мама исполняет.

– Нэйтан, тебе плохо? – спрашивает Нора Грэйер.

Из библиотечной медицинской энциклопедии мне известно, что в редких случаях от валиума начинаются галлюцинации. Об этом необходимо немедленно уведомить врача. Похоже, я – редкий случай.

– Нет, со мной все в порядке, – отвечаю я. – Мы с Ионой играли в «лису и гончую», и я заигрался.

– Я так и знала, что вы с Ионой подружитесь. Вот как твоя мама с Иегуди. Кстати, поднимайся в гостиную, по лестнице, два пролета. А я позову Иону, и мы эклеры с кухни принесем. Ступай же, не стесняйся.

Я снимаю ботинки, аккуратно ставлю их в прихожей и поднимаюсь по ступенькам. Стены обиты деревянными панелями, а ковер на лестнице пушистый, как снег, и кремовый, как нуга. На лестничной площадке стоят высокие напольные часы, натужно покряхтывают «хрип-храп, хрип-храп…». На стене висит портрет девочки младше меня, веснушчатой, в викторианском наряде. Прямо как живая. Перила скользят под пальцами. Затихает последняя нота «Песни жаворонка», раздаются аплодисменты. Аплодисменты маму радуют. А когда ей грустно, то ужинать приходится бананами и печеньем. На следующем портрете – густобровый военный в мундире Королевского фузилерного полка. В мундирах я разбираюсь, потому что папа подарил мне книгу о полках британской армии и я ее наизусть выучил. «Хрип-храп, хрип-храп», – кряхтят часы. У самой лестничной площадки висит портрет изможденной дамы в шляпке. Дама похожа на миссис Стоун, нашу преподавательницу религиозного просвещения. По выражению ее лица даже мне ясно, что ей здесь не нравится, я бы так миссис Маркони и сказал, если б она спросила. С лестничной площадки еще один пролет уходит вверх и направо, к светлой двери. Напольные часы очень высокие. Я прикладываю ухо к деревянному корпусу, как к груди, вслушиваюсь в стук механического сердца: «Хрип-храп, хрип-храп». Циферблат цвета старой кости, без стрелок, вместо них выведены слова: ВРЕМЯ ЕСТЬ а под ними ВРЕМЯ БЫЛО а под ними ВРЕМЕНИ НЕТ. Поднимаюсь по второму лестничному пролету. На стене портрет парня лет двадцати, с прилизанными черными волосами и сощуренными глазами; на лице такое выражение, будто он только что содрал обертку с подарка и не понимает, что это за штука. Я узнаю женщину с предпоследнего портрета – у нее прическа валиком. Эту даму я видел в окне. Та же прическа, те же болтающиеся серьги, а вместо теней, размазанных вокруг глаз, – мечтательная улыбка. Наверное, эта дама – знакомая Грэйеров. На шее у нее бьется лиловая жилка, а мне на ухо кто-то нашептывает: «Беги быстрее, уходи тем же путем, как пришел…»

– Что? – переспрашиваю я вслух.

Шепот прекращается. Да и был ли шепот? Это все валиум. Может, не надо его больше принимать… До светлой двери остается несколько шагов. Из гостиной слышен мамин голос:

– Нет-нет, Иегуди, это будет чересчур. Здесь есть кому блистать, кроме меня.

Негромкий ответ сквозь дверь не разобрать, зато слышен смех гостей. И мама тоже смеется. Она давно так не смеялась.

– Вы меня балуете. Вашей просьбе отказать невозможно, – говорит она и начинает играть «Дельфийских танцовщиц» Дебюсси.

Сделав два шага, я оказываюсь вровень с последним портретом.

На портрете – я.

Нэйтан Бишоп.

В той же одежде, которая сейчас на мне. Твидовый пиджачок. Галстук-бабочка. Только глаз на портрете нет. Большой нос – мой, прыщ на подбородке – тоже мой, он там уже неделю, шрамы под ухом от клыков мастифа – мои. А глаз нет. Это шутка? Надо смеяться? Не знаю. Наверное, мама послала Норе Грэйер мою школьную фотографию и фотографии моей одежды, а художник все это нарисовал. Другого объяснения у меня нет. Вряд ли валиум в этом виноват. Или все же виноват? Я промаргиваюсь, гляжу на портрет, пинаю деревянную панель на стене – не сильно, но большой палец на ноге болит. Раз я не просыпаюсь, значит я не сплю. Часы тикают «хрип-храп, хрип-храп», а я дрожу от злости. Я сразу понимаю, что злюсь. Злобу определить легко. Злоба – это когда внутри все кипит, как вода в чайнике. Почему мама решила надо мной подшутить в тот самый день, когда велела мне вести себя нормально? Обычно я дождался бы, пока мама доиграет Дебюсси, но сейчас мне не до приличных манер. Я дотрагиваюсь до ручки светлой двери.

Я сижу в кровати. Что за кровать? Это явно не моя крошечная спальня дома, в Англии: комната в три раза больше, в занавешенные окна пробивается яркое солнце, а на постельном белье Люк Скайуокер. Голова гудит. Во рту пересохло. Письменный стол у окна; книжные полки с журналами «Нэшнл джиографик»; дверь со шторкой из бусин; жужжание миллионов насекомых за окнами; зулусский щит и копье, обвитое блестящей мишурой, – ответ все ближе и ближе…

Это папино поместье в Бушвельде. Я с облегчением выдыхаю, и вся моя злость из сна улетучивается – фррр! Сегодня ночь перед Рождеством, я в Родезии! Я прилетел вчера, рейсом «Бритиш эйруэйз», самостоятельно – на самолете я летел впервые и на обед попросил рыбную запеканку, потому что не знал, что такое беф-бургиньон. Папа и Джой на своем джипе приехали встречать меня в аэропорт. По дороге домой мы видели зебр и жирафов. Никаких пугающих портретов, никакого Слейд-хауса, никакого мастифа. Миссис Тоддс, учительница литературы, всегда ставит двойки тем, кто заканчивает сочинение фразой: «А потом я проснулся, и оказалось, что все это мне приснилось». Она говорит, что это нарушает соглашение между читателем и автором, что это удобная отговорка, пастушок и волки. Но ведь мы на самом деле каждое утро просыпаемся, и оказывается, что все это нам приснилось. Хотя жалко, что Иона не настоящий. Я отодвигаю занавеску у окна рядом с постелью, вижу лесистые холмы и бескрайние луга. Склон сбегает к бурой реке, где живут бегемоты. Папа прислал мне поляроидную фотографию этого места, она висит дома, в Англии, на стене в изголовье моей кровати. А здесь все настоящее. Африканские птицы, африканское утро, африканский птичий щебет. Пахнет беконом. Я встаю. Пижама из каталога «Кэй». Сосновые половицы под ногами теплые и шершавые, нити бусин касаются лица, будто кончики пальцев…

Папа, в рубашке хаки с короткими рукавами, сидит за столом и читает газету «Родезийский вестник».

– Кракен пробуждается. – Он всегда так говорит мне по утрам. Это название книги Джона Уиндема про монстров, которым удалось растопить полярные льды и устроить всемирный потоп.

Я сажусь за стол:

– Доброе утро, папа.

Папа откладывает газету:

– Я хотел тебя разбудить, чтобы ты встретил свой первый африканский рассвет, но Джой велела тебя не трогать, мол, пусть бедолага отоспится после двенадцатичасового перелета. Так что рассвет завтра встретим. Есть хочешь?

Я киваю – проголодался, наверное. Папа поворачивает голову к кухне:

– Джой? Виолетта? Юноше нужно подкрепиться!

В дверях появляется Джой:

– Нэйтан!

Про Джой я все знаю, мама называет ее папиной дурехой, но все равно странно видеть, как папа милуется с другой женщиной. В июне у них родится ребенок, так что очевидно, что у папы с Джой были половые сношения. Младенец будет моим сводным братом или сводной сестрой, но имя ему еще не придумали. Интересно, что он делает целыми днями.

– Выспался? – спрашивает Джой.

У нее сильный родезийский акцент, как у папы.

– Да. Только странные сны видел.

– После долгого перелета всегда странное снится. Будешь апельсиний сок и сэндвич с беконом? – предлагает Джой.

Мне нравится, как она говорит «апельсиний сок». Мама бы поморщилась.

– Да, спасибо.

– И кофе тоже, – добавляет папа.

– Мама говорит, что мне еще рано употреблять напитки с кофеином, – объясняю я.

– Вздор, – улыбается папа. – Кофе – эликсир жизни, а родезийский кофе – самый лучший на свете. Выпьешь кофе.

– Апельсиний сок, сэндвич с беконом и кофе, – повторяет Джой. – Так Виолетте и скажем.

Дверь закрывается. Виолетта – прислуга. Мама часто кричала папе: «Фрэнк, я к тебе в прислуги не нанималась!» Папа раскуривает трубку, запах табака напоминает о том времени, когда они с мамой были женаты.

– Рассказывай, дружок, что за странный сон тебе приснился, – говорит он уголком рта.

Я с любопытством разглядываю газелью голову, мушкеты папиного дедушки времен Бурской войны, потолочный вентилятор.

– Мы с мамой пошли в гости к одной даме, настоящей леди, из знатных господ. А дом куда-то запропастился, и мы спросили какого-то мойщика окон, но он не знал… а потом дом нашелся, большой такой особняк, как в «Рожденных в поместье»[8]. А там был мальчик, его Иона звали, но он превратился в огромную собаку. И Иегуди Менухин там был, мама с ним в гостиной играла…

Папа фыркает от смеха.

– …а потом я увидел свой портрет, без глаз, а… – Тут я замечаю в углу черную железную дверцу. – И дверь эта там тоже была.

Папа оглядывается:

– Да, во сне такое бывает – все перемешивается, правда и вымысел. Вчера ты меня расспрашивал, что за этой дверью, – там оружейная, помнишь?

Раз папа говорит, наверное, так оно и есть.

– А во сне все казалось настоящим.

– Да, во сне все казалось настоящим, но ты же видишь, что это не так, верно?

Рассматриваю папины карие глаза, морщинки, загорелую кожу, седые пряди в русых волосах, нос, похожий на мой. Часы кряхтят «хрип-храп, хрип-храп», а где-то совсем рядом раздается трубный рев. Я гляжу на папу, надеюсь, что не ослышался.

– Верно, дружок, вчера вечером стадо через реку перебралось. Мы к ним обязательно пойдем, но сначала поешь.

– Вот, угощайся, – говорит Джой, ставя передо мной поднос. – Твой первый завтрак в Африке.

Огромный сэндвич, ломтики бекона в три слоя, щедро залитые кетчупом.

– Сам Господь Бог от такого не откажется, – говорю я.

Эту фразу я услышал в какой-то комедии по телевизору, все смеялись.

– Надо же, какой обходительный, – говорит Джой. – Интересно, откуда это у тебя…

Папа обнимает Джой за талию.

– Сначала попробуй кофе. Сразу возмужаешь.

Я поднимаю кружку, смотрю внутрь. Чернота – как нефть, как дыра в пространстве, как Библия.

– Виолетта только что кофе смолола, – говорит Джой.

– Сам Господь Бог от такого не откажется, – говорит папа. – Пей, дружок.

Что-то внутри меня противится: «Не пей, не надо!»

– Не бойся, мы маме не скажем, – говорит папа. – Это наш с тобой секрет.

Широкая кружка накрывает нос, будто газовая маска.

Широкая кружка накрывает глаза, всю голову.

А потом то, что там, внутри, начинает меня глотать.

Прошло какое-то время. Не знаю, долго или нет. Щелочка света открывает глаз, превращается в длинное пламя. Холодное яркое белое звездное. Свеча в подсвечнике на выщербленных половицах. Подсвечник серебряный, или оловянный, или певтерный, на нем какие-то знаки или буквы мертвого языка. Пламя не движется, словно бы бобина времени, размотавшись, застопорилась. В полумраке реют три лица. Слева леди Грэйер, но теперь она молодая, гораздо моложе мамы. Иона Грэйер справа, старше Ионы в саду. По-моему, они с Норой близнецы. Оба в серых плащах с приспущенными капюшонами. У Ионы волосы короткие, а у Норы длинные, золотистые, а не черные, как раньше. Они стоят на коленях, будто молятся или медитируют. Неподвижные, как восковые фигуры. Даже не видно, что дышат. А напротив меня – лицо Нэйтана Бишопа. Отражение в высоком прямоугольнике зеркала, что стоит на полу. Твидовый пиджак из «Оксфама», галстук-бабочка. Хочу шевельнуться, но не получается. Не могу. Не могу повернуть голову, не могу поднять руку, не могу рта раскрыть, не могу моргнуть. Как будто парализованный. Мне очень страшно, но не получается даже замычать «мммм!», как испуганный пленник с кляпом во рту. В общем, я понимаю, что это не рай, не ад и уж конечно не Родезия. Папино поместье мне привиделось. Надо бы молить Бога, чтобы это оказалось валиумной галлюцинацией, только я в Бога не верю. Судя по стропилам и скату потолка, я на чердаке. А Грэйеры тоже пленники? Они похожи на мидвичских кукушат.[9] А где Иегуди Менухин и остальные гости? Где мама?

Пламя оживает, знаки на подсвечнике сменяют друг друга, как будто подсвечник думает, а знаки – его мысли. Голова Ионы Грэйера поворачивается, шуршит одежда.

– Мама просила тебе передать, что ей пришлось уйти. – Он касается своего лица, будто проверяя, плотно ли оно прилегает.

Я хочу спросить, куда и зачем она ушла, но ни челюсти, ни язык, ни губы не слушаются. Почему мама ушла без меня? На меня глядит зеркальный я. Ни он, ни я двинуться не можем. Нора Грэйер разминает пальцы, словно только что проснулась. Может быть, мне что-то вкололи?

– Всякий раз, когда я возвращаюсь в свое тело, оно мне кажется чужим. Слабым. Знаешь, от него хочется отделаться.

– Поосторожней с желаниями, – говорит Иона. – Если с твоим перворожденным телом что-то произойдет, душа твоя растворится, как кусок сахара и…

– Мне известно, что с ней будет. – Голос Норы Грэйер звучит холодно, гортанно. – В этот раз парикмахерша возникла.

– Какая парикмахерша? – спрашивает Иона.

– Наша предыдущая гостья. Сладенькая твоя. В окне появилась, а потом на лестнице, у своего портрета. Мальчишку предупредить пыталась.

– А, ты имеешь в виду, что ее образ в окне возник. Бывает. Девчонка исчезла, развеялась, как колечко дыма под порывом ветра на Рокколле[10]. Вреда от нее никакого.

Над пламенем свечи вьется бурый мотылек.

– Они чересчур осмелели, – говорит Нора Грэйер. – А что, если такой вот безвредный образ устроит диверсию в День открытых дверей?

– Если – вот именно что если! – в Театре разума устроят диверсию и какому-нибудь гостю удастся сбежать, пригласим наших друзей-контрактников из «Блэкуотер», вернем беглеца на место. Даром, что ли, мы им платим? Кстати, весьма щедро.

– Иона, ты недооцениваешь нормальных людей. Как обычно.

– Сестрица, ну что тебе стоит хотя бы один раз меня похвалить: «Отличная работа, прекрасный оризон. Ты заполучил великолепную, сочную душу, энергии которой хватит еще на девять лет. Приятного аппетита!»

– Африканское имение – грубая, пошлая поделка, шаблонный образ, братец. Для полного счастья не хватало только Тарзана на лиане.

– Так ведь изысканности и не требовалось! Главное – что видение полностью совпадало с картинкой в воображении гостя. Вдобавок мальчишка психически недоразвит. Он даже не заметил, что легкие у него не работают. – Иона смотрит на меня, как Гэс Ингрем.

Я и вправду не дышу. Отключенное тело это не беспокоит. Не хочу умирать. Не хочу умирать!

– Ох, вот только не ной! Терпеть не могу нытиков, – вздыхает Иона. – Постыдился бы! Я в твоем возрасте не ныл.

– Не ныл? – фыркает Нора. – А когда мама умерла, кто…

– Сестрица, воспоминаниям будем предаваться позже. Кушать подано. Блюдо так и пышет жаром, сочное, на ужасе настоянное, обалдином пропитанное, самое время разделывать. Приятного аппетита!

Близнецы Грэйеры руками выписывают какие-то буквы в воздухе. Сумрак медленно сгущается над пламенем свечи, чуть выше голов. Сгусток превращается в нечто осязаемое, размером с кулак, повисает в воздухе, пульсирует все быстрее, вспыхивает все ярче, то кроваво-красным, то багрово-красным, то ли кровь, то ли вино, вырастает до размеров головы, но больше похоже на сердце, огромное, как футбольный мяч. Из него щупальцами медузы вылезают жилки, извиваются, как плети плюща. Тянутся ко мне. Я не могу повернуть голову, не могу даже закрыть глаза. Жилки пробираются мне в рот, в уши, в ноздри. Гляжу на свое отражение, хочу закричать, но не могу, и даже сознание потерять не могу. Посреди лба вспыхивает боль.

В зеркале видно, что там черная точка. Что-то…

…сочится оттуда, нависает над глазами, гляди: облачко звезд, маленькое, в горсти поместится.

Моя душа.

Гляди.

Гляди.

Прекрасная, как…

Прекрасная.

Близнецы Грэйеры склоняются ко мне, лица сияют рождественским восторгом, и я понимаю, чего они жаждут. Они выпячивают губы и присасываются. Облачный шарик растягивается, как тесто, образует два облачка поменьше… и разрывается пополам. Половина моей души попадает в рот Ионы, а половина – в рот Норы. Они закрывают глаза, как мама на концерте Владимира Ашкенази в Альберт-холле. Блаженство. *Блаженство*. Я вою внутри, эхо звучит и звучит и звучит в черепе, но вечно ничто продолжаться не может… Громадная пуль-

сирующая штуковина-сердце исчезла, близнецы Грэйеры стоят на коленях, где стояли. Время замедлилось, превратилось в ничто. Пламя больше не трепещет. Над ним застыл бурый мотылек. Холодная яркая звездная белизна. Нэйтан в зеркале исчез, а если он исчез, значит и я…

# Без страха и упрека
# 1988

«Добрый вечер. Начинаем очередной выпуск новостей в субботу, двадцать второго октября. Сегодня, на пресс-конференции на Даунинг-стрит, министр внутренних дел Дуглас Херд еще раз обосновал необходимость правительственного запрета на трансляцию выступлений ирландских националистов, лоялистов и республиканцев, а также сторонников партии Шинн Фейн. Мистер Херд сказал…»

Я выключил радио, вылез из машины и посмотрел на паб. «Лиса и гончие». Вспомнилось, как мы с Джулией однажды сюда заглянули. Мы тогда собирались дом покупать, риелтор присоветовал недвижимость на Крэнбери-авеню, но там оказалась та еще халабуда – сырая и мрачная, с крошечным садом, где даже труп не зароешь. От расстройства мы решили успокоить нервы выпивкой. Пять лет назад, подумать только. Пять лет, одна свадьба, один несчастный медовый месяц в Венеции, четыре Рождества с родственничками Джулии, древолюбами и либералами хреновыми, полторы тысячи завтраков – пшеничных хлопьев, двести пятьдесят бутылок вина, тридцать стрижек, три тостера, три кота, два повышения по службе, один автомобиль «воксхолл-астра», пара коробок презервативов «Дюрекс», два незапланированных визита к зубному врачу, десятки скандалов и ссор и одно выдуманное обвинение в нанесении телесных повреждений. И после всего этого Джулия до сих пор живет в нашем доме с видом на лес и луг, где пасутся кони, а я перебрался в квартирку за многоуровневой автостоянкой. Мистер Джонс, мировой судья, сказал, что мне еще повезло – с работы не выгнали. Слава богу, у нас с Джулией детей нет, иначе она бы выжала из меня еще и алименты, в придачу к компенсации за подпорченную физиономию. Сквалыжная стерва. Глазом моргнуть не успел, а уж пять лет прошло.

Ну, разул глаза, пошел по Вествуд-роуд. Спросил какую-то бабенку в мини-юбке и в облезлой шубейке искусственного меха – сразу видно, шлюха, тут и думать нечего, – где тут проулок Слейд, а она головой помотала и дальше пошла, даже не остановилась. Мимо трусцой пробежал какой-то задрот в черно-оранжевом тренировочном костюме – тоже мне, спортсмен выискался. Трое мальцов восточного вида на скейтбордах катались, но я с ними связываться не стал – с нашими азиатскими братьями и так уже наобщался по самое не могу. Защитники культурного многообразия чего-то там вещают о расизме среди полицейских… Сами бы попробовали поддерживать закон и порядок в городе, полном всяких там чуркестанцев, которые по-английски знают два слова – «полиция» и «притеснения», – а своих женщин с головы до ног укутывают в черные бурнусы, хрен поймешь, баба или мужик. Одними умильными песенками про черное и белое порядка не добьешься.[11]

Загорелись фонари, хмарь надвинулась, того и гляди дождь пойдет: в такую погоду у Джулии всегда начиналась загадочная мигрень. После муторной смены хотелось побыстрее уйти домой. Если бы не наш старший инспектор, Тревор Дулан, я б уже давно слинял, поужинал остатками вчерашней курицы-тандури, посмеялся бы над придурками на «Свидании вслепую», а потом приговорил бы пинту в пабе с Гонзо и приятелями. К сожалению, Тревор Дулан, старший полицейский инспектор, – ходячий детектор лжи и в понедельник достал бы меня вопросами не хуже ректального зонда, а ответить на них я смог бы, только если бы досконально проверил показания Фреда Пинка. А то ведь пристанет, как липучка, мол, опиши этот проулок, Эдмондс, или еще какую хренотень начнет выяснять. Нет уж, в ноябре мне очередную аттестацию проходить, а через две недели представят отчет по делу Малика, так что до тех пор надо Дулану жопу лизать, тут уж ничего не поделаешь. Так вот, шел я по Вествуд-роуд, налево гля-

дел, направо глядел, все искал этот клятый проулок Слейд. Может, его давным-давно упразднили, а землю домовладельцам раздали: муниципалитет иногда так делает, на радость полицейским – в проулках всякое отребье ошивается. За рулем машины Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна сидел водитель с перебитым носом – я хотел было спросить, не знает ли он, где тут проулок Слейд, но послал все к чертям и направился назад, к своей машине. Мелькнула мысль принять по-быстрому пивка в «Лисе и гончих», отделаться от призрака Джулии.

На середине Вествуд-роуд крохотный, метр с кепкой, инспектор дорожного движения разбирался с двумя амбалами на две головы выше, в ярко-желтых сигнальных куртках. Я даже со спины понял, что парни – строители. Никто из троицы не заметил моего приближения.

– И в блокнотике у вас неверно записано, – заявил Первый строитель, тыча пальцем в галстучный узел коротышки-инспектора. – Мы сюда только после четырех приехали!

– Я здесь все время был, – просипел дорожный инспектор, как две капли воды похожий на этого польского политика, как его там… А, Леха Валенсу, только с усами подлиннее. – И часы мои…

– И часы ваши тоже врут, – сказал Второй строитель.

Дорожный инспектор побагровел:

– Часы у меня правильные.

– Надеюсь, в суде вы убедительнее выскажетесь, – сказал Первый строитель. – Потому что присяжные ненавидят дорожных инспекторов, особенно заносчивых коротышек, возомнивших себя наполеонами.

– А вот мой рост не имеет никакого отношения к вашей долбаной незаконной парковке!

– Ах к долбаной? – переспросил Второй строитель. – Словесные оскорбления наносим? И кстати, «сэр» ни разу не прозвучало. Вы ущемляете мое чувство собственного достоинства. Позор на ваш пристежной галстук!

Дорожный инспектор накорябал что-то на отрывном штрафном талоне и, сунув его под дворник грязного белого фургона на обочине, заявил:

– Оплата в течение четырнадцати дней или повестка в суд.

Первый строитель схватил штрафной талон, демонстративно подтер им задницу и скомкал бумажку.

– Круто! – сказал Лех Валенса. – Но платить все равно придется.

– Да неужели? Мы оба своими ушами слышали, как ты с нас взятку требовал.

Второй строитель скрестил руки на груди:

– Точно, пятьдесят фунтов просил. Наглость какая, даже не верится. Нет, ну ты веришь, а?

Дорожный инспектор скрипнул зубами:

– Ничего подобного!

– Нас двое против одного. Так грязью обольем, что не отмоешься, дурашка. О пенсии бы подумал. Ну, не ерепенься, включай голову и вали отсюда…

– А вот я только что своими ушами слышал, как вы вдвоем сговаривались лжесвидетельствовать, то есть совершить противозаконное деяние, – сказал я.

Оба строителя обернулись. У старшего, бритоголового, был сломан нос. Строитель помоложе – рыжий, веснушчатый, с близко посаженными изюминками глаз – выплюнул на тротуар комок жевательной резинки.

– И мусорить в общественных местах запрещено, – добавил я.

Тот, что со сломанным носом, сделал шаг ко мне и набычился:

– А ты кто такой?

Хвастать я не люблю, но запугать меня не просто: я участвовал в подавлении Брикстонских беспорядков и получил грамоту за храбрость, проявленную в Оргривском сражении[12], так что никакие патлатые штукатуры мне не страшны.

– Инспектор уголовной полиции Гордон Эдмондс из департамента уголовных расследований, полицейское управление долины Темзы. – Я предъявил свое удостоверение. – А теперь предлагаю подобрать с тротуара и штрафной талон, и жевательную резинку, по-быстрому залезть в свой драндулет и уехать, а в понедельник штраф заплатить. Иначе во вторник я к вам налоговых инспекторов пришлю. Чего это у тебя рожу перекосило? Что, не нравится, как я с тобой разговариваю, засранец? Сэр?

Мы с дорожным инспектором смотрели вслед удалявшемуся фургону. Я закурил, предложил сигарету Леху Валенсе.

Он помотал головой:

– Нет, спасибо. Жена убьет. Я вроде как бросил.

Подкаблучник, я так и знал.

– Неблагодарная это работа.

– Ваша, моя или супружеская жизнь? – спросил он, пряча книжечку отрывных талонов.

– Наша, – ответил я, имея в виду его. – Служба на благо британского общества.

Он пожал плечами:

– Вам иногда хоть силу можно применить.

– *Moi?*[1] Да я образцовый полицейский, одним своим видом внушаю доверие общественности.

Прямо на нас пер какой-то тип, точь-в-точь Боб Марли. Дорожный инспектор уступил ему дорогу, но я остался стоять где стоял. Чудик в дредах вызывающе близко прошествовал мимо. Лех Валенса взглянул на часы:

– Вы здесь по делу, инспектор?

– И да и нет, – ответил я. – Ищу проулок под названием Слейд. Вы, случайно, такого не знаете?

Лех Валенса как-то удивленно взглянул на меня, потом с улыбкой сделал шаг в сторону и с напускной торжественностью, будто неумелый фокусник, взмахнул рукой: между двумя домами виднелся узкий проход, ярдах в двадцати сворачивая за угол влево, под тусклым светом фонаря, высоко привинченного к стене.

– Это проулок Слейд? – уточнил я.

– Ага. Вон и табличка висит, – ответил дорожный инспектор.

На доме справа действительно висела замызганная табличка: ПРОУЛОК СЛЕЙД.

– Твою мать, – сказал я. – Это ж я мимо прошел.

– Ну, как говорят, на добрые дела тем же отвечают. Ладно, я пойду. Покой нам только снится, и все такое. До встречи, инспектор.

В проулке было холоднее, чем на улице. Я дошел до первого угла, откуда тропка сворачивала влево, тянулась еще ярдов пятьдесят, а потом уходила направо. В плане проулок Слейд выглядел как половина свастики. С обеих сторон высились каменные стены, без окон – рай для грабителей. Я дошел до середины, чтобы потом честно взглянуть старшему инспектору Дулану в его подлые глаза и сказать, что осмотрел каждую щелочку в проулке Слейд и ни фига не обнаружил, сэр. И тут посреди стены справа я увидел черную железную дверцу. Издалека она была совершенно незаметна: маленькая, мне до ключицы доходила и фута два шириной. У меня, как и у всех остальных, есть много разных личин: болельщик «Вест-Хэма»[13], бочаж-

[1] Мне? *(фр.)*

ник с острова Шеппи, свежеразведенный холостяк, владелец кредитной карты, гибкой подруги, которой я уже задолжал две штуки, но прежде всего я – коп, а ни один коп не пройдет мимо двери в проходном дворе, не проверив, заперта ли она. Особенно вечером. Ручки на двери не было, но едва я приложил ладонь к железу, как проклятая дверца распахнулась. Согнувшись, я заглянул внутрь и…

…вместо задрипанного дворика за дверью оказался огромный сад с террасами, ступенями и тенистыми аллеями, уходящими к внушительному особняку. Сад зарос сорняками, ежевикой и прочей дрянью, пруд затянуло ряской, кусты давно не стригли, но даже в таком виде от красоты дух захватывало. Розы еще не отцвели, высокая стена оберегала от холодов фруктовые деревья, до сих пор покрытые листвой. А дом, наполовину увитый алым плющом… Нет, это был именно особняк, не то что дома по соседству: огромные высокие окна, широкая лестница, ведущая к парадному входу, все как полагается. Окна были зашторены, но дом лучился изнутри мягким теплым светом, будто ванильная карамель. Великолепно. И сто́ит, наверное, целое состояние, особенно сейчас, когда цены на недвижимость взлетели до небес. Вот только кто бы мне объяснил, зачем тупые хозяева оставляют дверь в сад нараспашку – чтобы грабителям удобнее было в дом забраться и обчистить его до нитки? Вконец офонарели. И охранной сигнализации тоже нигде не видно. Я разозлился не на шутку – кому придется дело расследовать, если дом и впрямь грабанут? Полиции, вот кому. В общем, я решительно зашагал по тропинке, вымощенной каменными плитами, чтобы разъяснить владельцам особняка их ошибку.

Едва я коснулся дверного молотка, как послышался тихий голос:

– Что вам угодно?

Я обернулся. У подножья лестницы стояла женщина – моя ровесница, белокурая, фигуристая, это было заметно даже под мужской рубахой и мешковатыми штанами. Резиновые сапоги ее ничуть не портили.

– Эдмондс, инспектор департамента уголовных расследований, полицейское управление долины Темзы. – Я спустился по ступеням. – Добрый вечер, мадам. Вы хозяйка дома?

– Да. Я… Хлоя Четвинд. – Она подала мне руку – ладонью вниз, на сгибе костяшки торчат, очень неудобно пожимать.

На безымянном пальце – обручальное кольцо.

– Что вам угодно, инспектор?.. Ох, боже мой, простите, имени я вашего не запомнила – в одно ухо влетело, в другое вылетело.

– Эдмондс, миссис Четвинд. Инспектор уголовной полиции.

– Да-да, конечно. Я… – Хлоя Четвинд поднесла дрожащую руку к голове, а потом, как водится, спросила: – Что-то случилось?

– Пока нет, миссис Четвинд, но обязательно случится, если вы не обзаведетесь замком для садовой калитки. К вам кто угодно может забраться.

– Ах да, калитка! – Хлоя Четвинд отбросила со лба бледно-золотистую, будто восковую, прядь. – Она на проволочный крючочек закрывалась, только он проржавел, я собиралась заменить, но муж в июне умер, и как-то не до того было…

А, вот в чем дело.

– Что ж, примите мои искренние соболезнования, и все такое. Боюсь, грабители вам сочувствовать не станут, что осложнит вашу жизнь еще больше. С вами кто-нибудь живет, миссис Четвинд?

– Нет, инспектор. После смерти Стюарта у меня сестра две недели гостила, но потом вернулась домой, в Кингс-Линн. У нее семья… Да, уборщица два раза в неделю приходит. Так что здесь только я, мыши и страхи ночные. – Она нервно дернула уголками губ, изображая улыбку.

Заколыхались высокие стебли пурпурных цветов.

– А собака у вас есть?

– Нет. Собаки очень уж… угодливые.

– Собака будет дом охранять лучше проволочного крючочка. Я бы на вашем месте поставил врезной замок с ригелем и шпингалеты вверху и внизу. А вместо деревянного косяка рекомендую установить стальную раму, для надежности, тогда дверь не вышибут. Дороговато обойдется, конечно, но все лучше, чем ограбление.

– Врезной замок с ригелем… – Хлоя Четвинд закусила губу.

О господи, ну почему все богачи такие беспомощные!

– Послушайте, мы в полицейском управлении пользуемся услугами слесаря. Он, правда, родом из Ньюкасла, так что понимаешь его через слово на пятое, но, если хотите, я попрошу, чтобы он завтра с утра к вам заглянул. Ну что, позвонить ему?

Хлоя Четвинд трагически вздохнула:

– Вы серьезно? Ох, я вам буду так благодарна… Да-да, позвоните ему, пожалуйста. Увы, сама я с этим не справлюсь.

Внезапно откуда-то из-за дома послышался топот. На веранду явно вот-вот выбегут двое мальчишек, и я спустился на нижнюю ступеньку, чтобы не мешать их игре…

…но топот попросту затих вдали. Наверное, в догонялки играли дети в соседнем доме, а слышно было здесь, в саду.

Хлоя Четвинд, странно посмотрев на меня, спросила:

– Вы слышали?

– Соседских детей? Слышал, конечно.

По ее лицу скользнуло неуверенное выражение. Я на секунду растерялся, но потом сообразил, что от горя она разнервничалась, совсем голову потеряла, а тут еще этот древний мавзолей в наследство достался… Надо бы с ней поласковее обходиться, решил я и вручил ей свою визитную карточку:

– Миссис Четвинд, вот, возьмите. Тут мой прямой номер телефона. Звоните, не стесняйтесь, если вдруг что…

Она поглядела на визитную карточку, сунула ее в карман широких штанов. Поближе к крутому бедру.

– Очень мило с вашей стороны. Мне уже совсем не страшно.

Алый плющ затрепетал.

– Горе – оно такое дерьмо, уж простите за грубость. Из-за него вся жизнь дерьмом кажется.

Я не мог разобрать, какого цвета глаза у Хлои Четвинд. Серые. Голубые. Цвета одиночества.

– Кого вы потеряли, инспектор?

– Маму. Она от лейкемии умерла. Давно уже.

– Давно не бывает.

Я почувствовал себя объектом исследования.

– А ваш муж в аварии погиб?

– Нет, от рака поджелудочной железы. Стюарт прожил много дольше, чем сулили врачи, но… под конец, знаете…

Нежный пушок над ее верхней губой золотился в лучах вечернего солнца. Она тяжело сглотнула и посмотрела на запястье, как будто там были часы.

– Ох, время-то уже позднее. Простите, что задержала, инспектор. Давайте я вас провожу до преступной двери.

Мы прошли под деревом, с которого слетали крошечные листья-веера. Я сорвал с края газона высокий стебель какого-то сорняка.

– Ох, стыдоба, – вздохнула миссис Четвинд. – Сад я совсем забросила.

– Ничего страшного. Конечно, попотеть придется…

– Пока эти джунгли расчистишь, реки пота прольешь.

– А садовника у вас нет? – спросил я.

– Был один поляк, но после смерти Стюарта ушел в других краях счастье пытать. Вместе с новехонькой газонокосилкой «Флаймо».

– Надеюсь, вы о краже в полицию сообщили?

– Нет, не было сил этим заниматься, – призналась она, разглядывая ногти. – Столько всего навалилось. И вообще, я такая бестолковая…

– Жаль. Я бы вам помог.

– Очень мило с вашей стороны.

Мы прошли под трельяжной аркой, увитой лозой с висячими гроздьями лиловых и белых цветов.

– Позвольте полюбопытствовать, вы в проулке Слейд в связи с полицейским расследованием оказались? Ну, когда дверь заметили. Или случайно заглянули?

Надо же, Фред Пинк и его показания у меня из головы вылетели, как только я в сад вошел.

– В связи с расследованием.

– Надо же! Надеюсь, ничего ужасного?

– По-моему, дело глухое. Кстати, вам, случайно, имя Нора Грэйер ни о чем не говорит? Или Рита и Нэйтан Бишоп?

– Нора Грэйер? Нет… Странное имя. А Бишопы – это та супружеская пара, которая на Ай-ти-ви утреннюю программу ведет?[14]

– Нет, не они, – ответил я. – Тут совсем другая история.

Мы дошли до конца садовой дорожки, но Хлоя Четвинд не стала со мной прощаться, а присела на бортик у солнечных часов.

– В моей бурной светской жизни случился свободный вечер, – лукаво сказала она, – поэтому, если у вас есть время, я бы с удовольствием выслушала эту историю.

Возвращаться домой, в унылую квартиру, совсем не хотелось. Я достал из кармана кожанки пачку сигарет:

– Вы позволите? Кстати, не желаете ли?

– Позволю. И угощусь с удовольствием. Благодарю вас.

Я присел на бортик рядом с ней, прикурил сигареты – одну для нее, одну для себя.

– Итак, часть первая. Рита и Нэйтан Бишоп, мать с сыном, жили неподалеку от полицейского участка, а в семьдесят девятом пропали. Ну, начали расследование, выяснили, что Рита Бишоп по уши в долгах и что у нее есть родственники в Ванкувере. Решили, что она сбежала, и дело закрыли…

Дымок ее сигареты струился мне в лицо.

– Так вот, часть вторая. Шесть недель тому назад в Королевской больнице Беркшира некий Фред Пинк вышел из комы.

– А, вот о нем я слыхала, – сказала Хлоя Четвинд. – Про него в «Мейл он сандей» писали, мол, мойщик окон вернулся с того света.

– Он самый. – Я стряхнул пепел на муравьев, копошившихся на бортике. – А в перерывах между купаниями в лучах славы Фред Пинк изучал старые газеты в городской библиотеке, наверстывал упущенные события. Там-то он и обнаружил заметку об исчезновении Бишопов. И что вы думаете? Он якобы их узнал. Утверждает, что лично с Ритой Бишоп разговаривал, как раз вон там, – я кивнул на черную железную дверцу, – в проулке Слейд, около трех часов пополудни в субботу, двадцать седьмого октября тысяча девятьсот семьдесят девятого года.

Хлоя Четвинд с вежливым недоумением поглядела на меня:

– Какая невероятная точность!

– Видите ли, для Фреда Пинка этот день стал незабываемым. После того как Рита Бишоп спросила у него, где здесь резиденция леди Норы Грэйер, Фред поволок свою стремянку по проулку Слейд на Вествуд-роуд, а там его сбило такси, и он на девять лет погрузился в кому.

– Ну и дела! – удивилась Хлоя Четвинд, сбрасывая резиновые сапоги, чтобы ноги не прели. – Но если эта Нора Грэйер и в самом деле из родовитой семьи, то ее легко отыскать.

– Вот и мы так решили, – киваю я. – Только поиски пока ни к чему не привели. Если она, конечно, вообще существует.

Хлоя Четвинд затягивается, набирает дыма в легкие, выдыхает.

– Ну, если бы она существовала, то наверняка жила бы здесь, в Слейд-хаусе – в нашем доме. То есть теперь в моем. Вот только мы со Стюартом дом купили у Питтов, а не у Грэйеров. Питты здесь долго жили.

– До семьдесят девятого?

– По-моему, еще до войны. А я в семьдесят девятом историю искусства изучала, аспирантуру оканчивала, в Люксембурге, писала докторскую по Рёскину[15]. Разумеется, инспектор, если у вас возникнут какие-то подозрения, приводите ищеек или осушите пруд. Я возражать не стану…

По кочковатому газону шмыгнула белка, скрылась в грядках ревеня. «А Рёскин что еще за хер?» – подумал я и сказал:

– Нет, миссис Четвинд, мы вас беспокоить не собираемся. Мой начальник, старший инспектор, из сочувствия к мистеру Пинку решил проверить его сведения, но, честно говоря, строго между нами, на успех мы не надеемся.

Хлоя Четвинд кивнула:

– Разумеется, мистеру Пинку приятно, что к его словам прислушались. А с Бишопами, надеюсь, все в порядке.

– Да они наверняка живут себе припеваючи где-нибудь в Британской Колумбии, горя не знают.

Над каминными трубами и телевизионными антеннами сияла луна. Воображение распахнуло свой засаленный плащ и явило Хлою Четвинд, распростертую подо мной…

– Ну, мне пора. А слесарю я завтра скажу, чтобы к парадному входу подъехал.

– Да-да, конечно.

Она встала, провела меня до самой черной железной дверцы. Я коснулся створки, раздумывая, не попросить ли номер телефона, но тут Хлоя Четвинд сказала:

– Миссис Эдмондс повезло с мужем, инспектор.

Ого! Дамочка-то интересуется…

– Миссис Четвинд, моя супружеская жизнь окончилась полным крахом. Я брошен и одинок. Могу продемонстрировать душевные раны.

– Что ж, у детективов в телесериалах всегда сложная личная жизнь. И прошу вас, зовите меня Хлоей. Если вам позволено, конечно.

– Если не при исполнении служебных обязанностей, то позволено. А не при исполнении меня зовут Гордон.

Хлоя дернула пуговицу на манжете старой рубахи:

– Что ж, договорились. Оревуар, Гордон.

Пригнувшись, я просунулся в дверцу, как конверт в щель почтового ящика. Мы пожали руки через порог. За плечом Хлои я заметил какое-то движение, в окне на втором этаже Слейд-хауса мелькнул огонек. Нет, показалось. Вспомнилась моя холостяцкая квартира, грязная посуда в раковине, протекающая батарея, экземпляр «Плейбоя» за туалетным ершиком.

Ужасно захотелось остаться в Слейд-хаусе, глядеть из окна на сумеречный сад, дожидаться возвращения Хлои, нежной, белокожей…

– Заведите кота, – неожиданно сказал я.

Она улыбнулась, недоуменно сморщила лоб:

– Кота?

На Вествуд-роуд машины ехали с зажженными фарами и включенными дворниками, капли дождя падали за шиворот и на намечающуюся лысину. Беседа с Хлоей Четвинд прошла не совсем так, как предписывает протокол: я расслабился, ответил на заигрывания, а Тревор Дулан наверняка разозлился бы, узнав, что я рассказал ей о Фреде Пинке, – но иногда встречаются женщины, перед которыми не устоять. Ничего страшного, Хлоя Четвинд попусту болтать не станет, не то что Джулия. Вот кто редкое трепло – с виду напористая, а на самом деле только нюни распускает. А Хлоя, наоборот, с виду надломленная, а закалка у нее – о-го-го! Сильная женщина, умеет держать себя в руках. А в конце, когда она мне улыбнулась… ну, вроде как улыбнулась… Как будто с электричеством перебои, а потом вдруг раз – слава богу! – и свет дали. И сидели мы с ней по-простецки, бок о бок, курили, словно ничего особенного в этом нет. Ну да, у Хлои Четвинд деньжат хватает, и особняк ее стоит целое состояние, а у меня дуля в кармане и дырявый ночной горшок. Зато ей достались только пауки, мыши и воспоминания о болезном муже. В чем в чем, а в женщинах я разбираюсь основательно, получше некоторых. У меня их двадцать две было: от Энджи Баррат по прозвищу Ширнесский Самокат до скучающей жены биржевого трейдера, с которой я в прошлом месяце перепихнулся, она от наручников тащилась. В общем, я точно знал, что Хлоя Четвинд думает обо мне то же самое, что я думаю о ней. Я шел к машине – сильный, стройный и обаятельный, твердо уверенный в том, что меня ждет.

«Добрый вечер! Предлагаем вниманию радиослушателей выпуск новостей в шесть часов вечера, в субботу, двадцать девятого октября. Сегодня Джордж Шульц, государственный секретарь США, на пресс-конференции в Белом доме объявил о предстоящей полной реконструкции американского посольства в Москве в связи с обнаружением в здании подслушивающих устройств. Президент Рейган выразил…»

Тьфу, кому все это интересно?! Я выключил радио, вышел и закрыл машину. Припарковался я в том же месте, что и неделю назад, как раз напротив паба «Лиса и гончие». Денек выдался тот еще. С утра какой-то ссыкун, накачанный спидами, напал на дежурного по отделению, а я как раз мимо проходил. В общем, вчетвером мы этого придурка в камеру отволокли, а он через час и откинулся. Нет, по результатам токсикологической экспертизы нас, конечно же, оправдают, но мы и так под колпаком из-за проклятого дела Малика, а в обед выяснилось, что кто-то слил в «Гардиан» выдержки из отчета следственного комитета. Тут-то дерьмо и полилось рекой. Дулан пообещал, что «постарается выгородить». Постарается он, как же. Говнюк. Ну а к этой смазочке для полного счастья добавилась еще горсть песочку: пришло требование об оплате просроченного счета за пребывание папаши в доме престарелых и требование об оплате просроченного счета за кредитку. В понедельник придется в банк тащиться, в очередной раз перерасход согласовывать. Если получится. Единственным лучом света в этом темном царстве был звонок Хлои Четвинд. Начала она робко, видно, нервничала, но я ей сказал, что с прошлой субботы о ней думал, а она и говорит: «А я тоже». Тут я и сделал стойку. И стояк. После работы зашел в пидорскую цирюльню, постригся – двадцать фунтов содрали, гады! – потом проехал через заправку «Тексако», там в ларьке гвоздики прикупил и упаковку презервативов. Сами понимаете, будь готов и все такое прочее. В общем, иду себе по тротуару, насвистываю «Если упадет звезда, ты желанье загадай…»[16], уворачиваюсь от прохожих: сначала от бегуна в черно-оранжевом тренировочном костюме, а потом от какого-то типа с дет-

ской коляской. По виду – мой ровесник, а на роже у него вот такущими буквами написано: «И какого хрена я без гондона эту течную суку трахнул!» Поздно спохватился, приятель.

Дорожный инспектор сегодня у проулка Слейд не околачивается. Захожу в холодный проулок, поворачиваю налево, и через двадцать шагов – та самая черная дверца. Толкаю, но сегодня она не поддается, даже не дрогнет: новая рама вставлена, цементом прочно обмазана, кирпичный порожек аккуратно выложен. На совесть сработано, даже ломиком не подцепишь. Делать нечего, надо в конец проулка двигать, к Крэнбери-авеню, искать парадный вход. Только повернулся – в лилипутской дверце замок щелкает. А за дверью – она, в каком-то ацтекском пончо и черных джинсах в облипку. Что-то к груди прижимает. Я подхожу, вгляделся – а на руках у нее рыжий кот.

– Але-але, – говорю. – Это кто такой?

– Гордон, знакомьтесь, это Бержерак. Бержерак, это Гордон.

– Бержерак? Как Джим Бержерак, детектив из телесериала?

– Вот только не притворяйтесь, что вас это удивляет. Вы же сами посоветовали мне котом обзавестись. А как его еще назвать? Коломбо не такой импозантный, Коджак лысый, Кегни и Лейси женского пола. По-моему, Бержерак – самое подходящее имя для кота[17]. Правда очаровательный?

Я смотрю на мохнатую тушку, гляжу в глаза Хлои:

– Совершенно верно.

– А как вам моя новая дверь, Гордон? Как вы думаете, теперь незваные гости в сад не заберутся?

– Ну, тут без миниатюрной гаубицы не обойтись. Можете спать спокойно.

Шею Хлои обвивает черный шнурок, на нем покачивается подвеска – серебряная ракушка.

– Знаете, а хорошо, что вы ко мне зашли. Очень любезно с вашей стороны. Я вам позвонила, а потом весь день терзалась, что напрасно отнимаю драгоценное рабочее время у сотрудника полиции.

– Я сейчас не на службе, а на отдыхе. И в свободное время делаю что хочу.

Хлоя Четвинд прижимает Бержерака к нежной шее. От нее пахнет лавандой и табачным дымом, и я шалею от мысли, что произойдет дальше. Видно, что прическу ей сегодня в парикмахерской делали.

– В таком случае, Гордон, окажите мне еще одну любезность. Осмотрите дверь с внутренней стороны – на всякий случай. Проверите, соответствует ли врезной замок требованиям техники безопасности…

Хлоя опускает на кухонный стол противень с запеченной грудинкой. Я вдыхаю густой солоноватый аромат говядины. Стол огромный, солидный, как все в кухне. Джули обожала разглядывать фотографии таких кухонь в своем любимом журнале «Кантри ливинг»[18]. Дубовые балки на потолке, терракотовая плитка на полу, точечное освещение, из окон с изящными шторками открывается вид на сад, на буфетных полках – коллекция чайников, в громадной духовке можно ребенка зажарить, шведский холодильник, массивный, как в американском кино; встроенный посудомоечный комбайн. А еще – камин с медным колпаком вытяжки.

– Нарезайте мясо, – говорит Хлоя. – Это мужское дело.

Я берусь за нож:

– Пахнет изумительно.

Она приносит глубокое блюдо с запеченными овощами:

– По маминому рецепту: красное вино, розмарин, мята, мускатный орех, корица, соевый соус и еще кое-какие ингредиенты. Нет, секрета я вам не выдам, и не просите – иначе мне придется вас убить.

Хлоя снимает крышку с блюда: репа, картофель, морковь, тыква кубиками.

– К мясу со специями нужно особенное вино, с характером. Напористое. Как по-вашему, риоха подойдет?

Со знанием дела киваю, мол, если вас устраивает, то и меня вполне.

– Значит, риоха. Была у меня припрятана бутылочка темпранильи восемьдесят первого года.

Джули, подражая знатокам-дегустаторам, вещала о винах восторженным тоном малограмотной маникюрши. Хлоя говорит прозаично, без малейшего притворства. Возвращается, вручает мне бутылку и штопор. А глаза-то поблескивают. Я вкручиваю штопор в пробку, думаю понятно о чем, мысленно ухмыляюсь. Чпок! – пробка выскакивает из бутылки.

– Восхитительный звук, – говорит Хлоя. – Истинные ценители утверждают, что красному вину надо четверть часа подышать, но, по-моему, жизнь и так коротка. Вот вам бокалы…

Хрустальные донышки скользят по деревянной столешнице.

– Наливайте, Дживс.[19]

Я повинуюсь. Вино льется буль-буль-бульбульбульбульбуль.

Тирамису – зашибись, о чем я и говорю. Хлоя аккуратно вытирает салфеткой капельку сливок в уголке рта.

– Не приторно? Не слишком сладко?

– Само совершенство, как и весь остальной ужин. Вы еще и кулинарную академию окончили?

Хлоя с довольным видом подносит бокал к губам, делает глоток, промокает салфеткой багровое пятнышко.

– Вы мне льстите.

– Я? А зачем мне вам льстить? Незачем. Так что ваше обвинение безосновательно.

Хлоя наливает кофе из кофейника в форме дракона.

– В следующий раз – ну, если вы, конечно, захотите ко мне заглянуть – угощу вас водочным сорбе. Сегодня мне было не…

Рядом со мной раздается девичий голос:

– Иона!

Звонко-звонко. Вот только, кроме нас, здесь никого нет. И все же…

…я ее слышал. Девчонка явственно окликнула кого-то: «Иона!»

У входной двери что-то дребезжит, хлопает.

Я вскакиваю, ножки стула скрежещут по терракотовым плиткам, стул наклоняется, с грохотом падает.

Кошачья дверца, чуть поскрипывая, качается раз-другой, замирает. Все тихо.

А потом снова девичий голос:

– Иона?!

Нет, мне не послышалось.

И опять, громче, протяжнее:

– И-о-на-а-а!

Я весь напрягся, а Хлоя нисколечко не встревожена. И на меня смотрит невозмутимо, не как на психа. Спокойно. А меня дрожь пробирает.

– Вы слышали? – спрашиваю, не то чтобы с испугом, но все-таки.

– Да, – отвечает она, вроде как с облегчением. – Конечно слышала.

– Девичий голос, да? – уточняю я. – Здесь, в кухне.

Хлоя закрывает глаза, медленно кивает.

– Но… вы же сами говорили, у вас детей нет.

Она вздыхает, глубоко-глубоко:

– Это не мои дети.

Не ее дети. Тоже мне, объяснение! А чьи? Приемные, что ли? Невидимки?

– И кто они такие?

– Девочку зовут Нора. А ее брата – Иона. Они здесь живут.

У меня мороз по коже.

– Я… вы… как это?

Хлоя берет сигарету из моей пачки:

– Голос слышен, а никого нет. Дом очень старый. У вас есть версии, детектив?

Слово «привидение» я произнести не могу, хотя сам только что слышал, как девчонка зовет Иону. Вот только никакой девчонки нет.

– Помните, в прошлую субботу вы слышали топот – дети вокруг дома носились? Вы еще решили, что это у соседей.

Я холодею. Киваю.

– В соседнем доме детей нет, Гордон. Это Нора с Ионой. По-моему, они близнецы. Вот, закуривайте. Присаживайтесь.

Я опускаюсь на стул. Мысли разбегаются. Непослушными пальцами беру сигарету, прикуриваю.

– Я их в январе первый раз услыхала. В саду, вот как вы. И тоже решила, что это соседские дети. А потом, как раз в День святого Валентина, я Стюарта после химиотерапии спать уложила, выхожу из спальни, а на лестничной площадке, у напольных часов, слышу – девочка что-то напевает тихонечко, а потом мальчик ее из кухни окликает: «Нора, яйцо сварилось!» А она ему отвечает: «Вот часы заведу и спущусь». Я сначала подумала, что, может, и правда ребятишки какие-то в дом пробрались, шутки ради, но… Я же сама на лестничной площадке у часов стояла…

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

# Комментарии

**1.**
Мама шагает вперед. / Иду за ней, не наступая на трещины в асфальте. – Аллюзия на английскую поговорку и связанное с этим распространенное суеверие «Step on the crack, break your mother's back», то есть «На трещину наступишь – родную мать погубишь».

**2.**
«Оксфам» – сеть магазинов одноименной благотворительной организации, где продаются товары, пожертвованные населением.

**3.**
Хэйстекс – от английского «haystack», стог сена.

**4.**
Мимо нас на скутере проезжает мод, как в «Квадрофении»… – «Quadrophenia» (1979) – фильм Франса Роддама о модах (стилягах) середины 1960-х гг., основанный на одноименном альбоме группы The Who, выпущенном в 1973 г.

**5.**
…как волшебное зелье на Астерикса… – Астерикс – вымышленный галл, герой французского цикла комиксов «Астерикс и Обеликс».

**6.**
…насвистывает «Я научу всех в мире петь». – «I'd Like to Teach the World to Sing (In Perfect Harmony)» – музыкальная композиция из рекламной кампании «Кока-Колы» 1971 г.

**7.**
Сноудония – район на севере Уэльса, где в 1951 г. был открыт одноименный национальный парк.

**8.**
…как в «Рожденных в поместье». – Имеется в виду британский комедийный сериал «To the Manor Born», транслировавшийся по телеканалу Би-би-си с 1979 по 1981 г.

**9.**
Они похожи на мидвичских кукушат. – «Мидвичские кукушки» (1957) – фантастический роман Джона Уиндема о детях-подменышах, на русском публиковался также под названиями «Кукушки Мидвича», «Мидвичские кукушата» и «Золотоглазые», дважды экранизирован под названием «Деревня проклятых» (в 1960 и 1995 гг.).

**10.**
Роколл – необитаемый скалистый остров в Атлантическом океане, между Великобританией, Ирландией и Исландией.

**11.**
…песенками про черное и белое порядка не добьешься. – Аллюзия на музыкальную композицию «Ebony and Ivory», написанную в 1982 г. Полом Маккартни и Стиви Уандером.

**12.**

…в подавлении Брикстонских беспорядков и… в Оргривском сражении… – Брикстонские беспорядки – вооруженные стычки между полицией и населением лондонского района Брикстон в 1981 и 1985 гг.; Оргривское сражение – мятеж во время забастовки на коксохимическом заводе концерна «Бритиш стил» близ города Оргрив в Южном Йоркшире.

**13.**
…болельщик «Вест-Хэма»… – Имеется в виду футбольный клуб «West Ham United».

**14.**
А Бишопы – это та супружеская пара, которая на Ай-ти-ви утреннюю программу ведет? – Имеются в виду супруги Ричард Мэдли и Джуди Финнеган, ведущие ток-шоу «Сегодня утром» с 1988 по 2001 г.

**15.**
Рёскин, Джон (1819–1900) – английский писатель, художник, влиятельный искусствовед.

**16.**
…«Если упадет звезда, ты желанье загадай…» – «When you wish upon a star», песня сверчка Джимини Крикета из диснеевского мультфильма «Пиноккио» (1940).

**17.**
Коломбо не такой импозантный, Коджак лысый, Кегни и Лейси женского пола. По-моему, Бержерак – самое подходящее имя для кота. – «Коломбо» (1968–1978, 1989–2003) – американский полицейский телесериал. «Коджак» (1973–1978) – американский полицейский телесериал. «Кегни и Лейси» (1982–1988) – американский полицейский телесериал. «Бержерак» (1981–1991) – английский полицейский телесериал.

**18.**
«Кантри ливинг» (Country Living) – американский глянцевый журнал, в переводе с английского название означает «загородная жизнь».

**19.**
Наливайте, Дживс. – Дворецкий из романов П. Г. Вудхауза. Имя стало нарицательным задолго до появления популярного телесериала «Дживс и Вустер» с Хью Лори и Стивеном Фраем в главных ролях (1990).